

© 1999 г. Т.А. СУМНИКОВА

О ФОРМАХ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПИСЬМЕННОСТИ

В научной и учебной литературе бытуют различные представления о месте в языке и в древнерусской письменности трех форм И.п. местоимения 1-го лица единственного числа **азъ**, **ѡзъ** и **ѧ**.

Традиционная точка зрения такова: **азъ** является церковнославянизмом, а **ѡзъ** и **ѧ** – восточнославянизмы.

С конца 70-х годов широкое распространение, особенно в учебных кругах, получило утверждение Г.А. Хабургаева, согласно которому в древнерусской письменности были два церковнославянизма – **азъ** и **ѡзъ**, причем последняя форма получилась в результате контаминации старославянской **азъ** и восточнославянской **ѧ** [Горшкова, Хабургаев 1981: 247; Хабургаев 1990: 218].

Ранее Р.О. Якобсон в заметках и дополнениях к Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера заявил о просодической неравнозначности **ѡзъ** и **ѧ** и определил **ѧ** как "неударенный моносиллабический вариант двусложного **ѡзъ** по аналогии с *mi-tǫnĕ, mĕ-mene*" [Jakobson 1959 : 277]. Это определение **ѧ** отразилось в этимологическом словаре [ЭССЯ, 1 : 100].

В Древнерусской грамматике XII–XIII вв. была принята без проверки точка зрения Якобсона и даже сделана попытка подкрепить ее данными берестяных грамот XII–XIII вв. [Сумникова 1995 : 330–332]. Однако возникает вопрос, почему в дальнейшей истории языка при повсеместном вытеснении клитик дательного и винительного падежей и замене их полноударенными формами закрепилась клитика (если **ѧ** действительно клитика), а не полноударенная форма **ѡзъ**.

Все это побуждает вновь обратиться к вопросу о месте **азъ**, **ѡзъ** и **ѧ** в языке и письменности, рассмотрев употребление этих форм на широком материале памятников XI–XIV вв., написанных на всей территории расселения восточного славянства от Галича (Южного) до Суздаля и относящихся к различным типам древнерусской письменности.

В качестве источников привлечены как вошедшие в корпус Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), грамоты государственного и частного характера, бытовая переписка, приписки и записи в книгах, надписи на предметах материальной культуры, тексты юридической, исторической, литературно-повествовательной, агиографической, церковно-проповеднической, церковно-юридической литературы, южно-русские и западно-русские грамоты XIV вв., включаемые также в Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. [ССМ] и Исторический словарь белорусского языка [ГСБМ]¹, так и не вошедшие в Словарь древнерусского языка Остромирово евангелие 1056–1057 гг.

¹ Примеры берутся из картотеки Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), где тексты расписаны по рукописям, фотокопиям или авторитетным изданиям и каждая словоформа представлена столько раз, сколько она употреблена в тексте.

[ОстрЕВ], Изборник 1073 г., Архангельское евангелие 1092 г., Синайский патерик XI в., входящее в Выголексинский сборник XII Житие Нифонта и др. Для сопоставления привлекаются данные старославянских памятников, в частности глаголического Ассеманиева евангелия XI в.

Прежде всего обратимся к идее искусственного происхождения формы **ѡзѣ**.

Для человека, не искушенного в литературе предмета и не начитанного в древнерусской письменности, выдвинутые Г.А. Хабургаевым аргументы могут показаться убедительными. А именно: 1) невозможность этимологически связать **ѡ** и **ѡзѣ**; 2) отсутствие **яз** в современных восточнославянских языках; 3) употребление **ѡзѣ** в грамотах параллельно с **азѣ** в правой формуле "**се азѣ**", "сложившейся еще в южнославянской среде на базе греко-византийских формул, а также в текстах, авторы которых обнаруживают книжную выучку" [Горшкова, Хабургаев 1981: 246–248; Хабургаев 1990: 217–219].

Между тем можно считать установленным то, что йотованные формы И.п. местоимения 1-го л. ед. числа восходят к праславянской форме **azъ* (см. [БЕР 5; ЭССЯ, 1: 100–102]).

Развитие интервокального *j* перед *a*- в начале слова свойственно в той или иной мере всем славянским языкам. Шевелев относит его к позднему праславянскому периоду, к VIII–IX вв. [Shevelov 1965: 634].

Памятники старославянского языка, представляющие собой копии X–XI вв. древних славянских переводов и отражающие более раннее состояние языка, содержат только форму **азѣ**. Из всех славянских языков она закрепились только в болгарском литературном языке. В народном же языке, по данным этимологического словаря, бытуют еще **яз**, **я** и более поздние, усложненные формы **азе**, **язе**, **азка**, **язка**, **азкана**, **язкана**, **азека**, **язека**, **азекана**, **язекана** [БЕР, I : 5]; болгарский диалектологический атлас отмечает распространение формы **я** в восточной и в западной частях Болгарии, в северной же части – **аз** [БДА, II: к. 160; БДА, III: к. 184; БДА, IV: к. 231]. В македонском литературном языке – **јас**, в диалектах – **ја**, в чешском и польском литературных языках **ја**, но старочешские и старопольские тексты XIV в. указывают на наличие **јазѣ** в прошлом [Machek 1957: 168; Brückner 1957: 195]. Примеры с **ѡзѣ** отмечены в разнообразных по тематике и жанровой принадлежности древнерусских памятниках и не исчерпываются в них правовой формулой завещаний и официальных грамот. И даже если исключить из рассмотрения тексты, написанные княжескими писцами и вообще людьми, для которых можно предположить книжную выучку, то останутся многочисленные бытовые тексты берестяных грамот, язык которых наиболее приближен к народно-разговорному и потому особенно показателен при решении вопроса об органичности или искусственности той или иной грамматической формы. Форма **ѡзѣ** (**ѡзо**) в них соседствует с явно диалектными формами, например: **ѡзо ти олово и клепание въхо попродаде** (ГрБ № 439, XII/XIII), **ѡзо тебе... приказале** (ГрБ № 344, XIII/XIV), **послале ѡзо к тоби бересто** (ГрБ № 27, конец XIV). Этимологические словари русского и украинского языков отметили украинскую диалектную форму с частицей *ко-* – **яз-ко** [Фасмер, II: 147; ЭСУМ, II: 325].

Таким образом, форма **ѡзѣ**, вопреки утверждению Г.А. Хабургаева, не была искусственной формой. Во всех славянских языках, в том числе и в русском, она возникла органически в результате развития интервокального *j* перед *a*- в форме **азѣ**.

Что же касается односложной йотованной формы **ѡ**, то она, как полагают, является вторичной по отношению к **ѡзѣ**, возникшей в результате усечения двусложной формы под аналогическим воздействием односложной формы местоимения 2-го лица **ty* [Mańczak 1977: 74].

Обратимся к соотношению **ѡзѣ** и **ѡ**. Р.О. Якобсон определил **ѡ** как неударенный моносиллабический вариант двусложного **ѡзѣ** по аналогии с *ti-tъnѣ*, *те-мене* [Jakobson 1959: 277]. Иными словами, в просодической системе языка для **ѡ** Р.О. Якобсон отводил роль клитики, а для **ѡзѣ** – роль полноударенной формы. Из такого определения следует, что просодические позиции этих форм должны быть различными.

Изменения в просодической системе языка произошли не ранее падения редуцированных [Трубецкой 1987: 357]. Поэтому для определения статуса **ѡ** и **ѡзъ** в языке наиболее убедительные данные могут содержать ранние памятники письменности, написанные до начала XIII в., хотя показательными могут быть и более поздние, так как первичный порядок следования клитик и полноударенных словоформ в предложении менялся не сразу.

Грамматически независимая форма И.п. личного местоимения, подчиняющая глагольную форму сказуемого, первоначально не была обязательной в предложении, так как окончание глагола само по себе выражало субъект действия. Например: И 14, 2 – **идѣ оутѡтовати мѣсто вѣи** [Ass 29a: 57]².

В старославянской письменности **азъ** употреблялась, видимо, для смыслового выделения субъекта действия, в том числе при противопоставлении одного подлежащего другому. Например: И 5, 36 – **та дѣла азъ творѣи** [Ass 10a: 199], И 8, 21 – **азъ идѣ. вы не можете прѣти** [Ass 17a: 34]. О том, что **азъ** была полноударенной формой, свидетельствуют и примыкающие к ней клитики **же**, **во**, **та**, **ти** и т.п. Например: Л 22, 27 – **азъ же по срѣдѣ васъ есмь** [СлСтЯз: 67], или в том же Ассеманиевом евангелии XI в.: И 8, 15 – **вы по плѣти сѣдите. Азъ же не сѣждѣ никоу же** [17с: 34], Л 8, 46 – **Исѣ же рече. прикоснѣ сѣ мнѣ нѣкто. Азъ во чюхъ силѣ ишедшѣ из мене** [57: 114], Мат 18, 33 – **и азъ та пом(а)вахъ** [44–45; 88–89], Мр 9, 25 – **Азъ ти велѣи изѣти из него** [77–78; 154–155].

Точно так же ведет себя и форма **ѡзъ** в восточнославянской письменности. Она демонстрирует такую же способность присоединять клитики. Разница лишь в том, что к позициям, общим с позициями **азъ** в старославянских памятниках, прибавилось употребление ее при сказуемом с утраченной связкой или перед приложением, когда только местоимение однозначно указывает на субъект. Например, в надписи на Стерженском кресте 1133 года – **почахъ рыти рѣк(ѣ) сю ѡзъ иванко павловицѣ и крѣсть поставихъ; ѡзъ та есмѣла (-есмѣ имѣла)** [ГрБ № 752, 1080–1100 гг.], **ѡзъ ти придоу** (ГрБ № 380, 30–70 XX в.), **а ѡзъ тивунѣ** [Надп. на царе 20–50 XII в.] или: в Сказании о чудесах страстотерпцев Бориса и Глеба XI или XI/XII вв. – **нѣ аще прозрѣннѣ тревожиши ѡзъ ти повѣдѣ** [УспСб XII/XIII, 226: 65], в Хронике Георгия Амартола [пер. XI в., сп. XIV в.) – **ѡзъ во телеса ты же дѣша роукоположилѣ кси** [ГА XIV, 236в: 371].

Точно так же проявляет себя и односложная форма **ѡ**. Она употребляется в тех же позициях, что **азъ** и **ѡзъ**, и так же присоединяет клитики. Например: **мене игоу мене не поуѣниѣ а ѡ прашалѣсѣ ченоу сѣ гнѣвалѣи а ѡ вьегда оу тебе а соромѣ ми оже ми лихѡ мѣвала ше и покланю ти сѣ братѣе мон то си хотѣ мѣлѣи ты еси мон а ѡ твои** [ГрБ № 605 XI/XII в.], **повоуде сыно оу мене а ѡ сѣ имо потешоу... паки ли не управѣши того а ѡ та передамо свѣтѣе богородице** [ГрБ № 705 XII/XIII в.], **хоцѣши возати половиноу коуно ѡ пороуценѣ отцевѣ твоему по иванѡка не хоцѣши ли да ѡ боле не могу водати** [ГрБ твер. № 1 XII/XIII в.], **ѡ звѣре** [Надп. под рис. № 199, 20–30 XIII в.]. Еще примеры из Повести временных лет, созданной в 1113 году и дошедшей в редакции 1116 года (ранний список – Лаврентьевская летопись 1377) [ПСРЛ, I] и редакции 1118 года (ранний список – Ипатьевская летопись ок. 1425 года [ПСРЛ, II]) – **и ре(ч) ему выпустѣи ты свои мѣжѣ а ѡ свои да сѣ ворѣта** [ПСРЛ, I: 42 об: 122], **не ѡ во почалѣ бра(т)ю бити но ѡнѣ** [ПСРЛ, II: 30 об: 64].

Таким образом, памятники восточнославянской письменности не подтверждают положения Р.О. Якобсона, а свидетельствуют о том, что форма **ѡ** была полноударенной, как **ѡзъ** и **азъ**.

² Здесь и далее первая цифра указывает на лист рукописи, а вторая – на страницу или столбец издания.

Традиционное представление о том, что каждая форма **азъ** в восточнославянской письменности не что иное, как церковнославянизм, подверг сомнению А.А. Зализняк. Он обратил внимание на то, что в берестяных грамотах помимо начальной формулы завещаний "**се азъ**" безйотовая форма употреблена в трех грамотах XIII–XV вв. с обычным, бытовым содержанием. Это: ГрБ № 705, XIII в. – **а попровати ко мене сестроу азъ былє лони наделанє а ныне выхо послале**, ГрБ № 305, XIV/XV в. – **сы осподинь коню не ѣдъ азъ осподинь в томъ кони**, ГрБ № 492, вт. четв. XV в. – **азъ в томъ сѣдѣ [н]ѣ единъ бы(а)**. "Вполне вероятно, – пишет А.А. Зализняк, – что и в этих грамотах **азъ** – просто церковнославянизм; но не следует исключать также (по крайней мере для 705) возможности пережиточного сохранения исконного безйотового варианта" [Зализняк 1995: 114].

В свете предположения А.А. Зализняка обращает на себя внимание группа восточнославянских списков XI в.; Остромирово евангелие 1056–57 гг., Изборник 1073 г., Изборник 1076 г., а также не имеющий прямой даты Синайский патерик. В них наряду с другими восточнославянскими языковыми особенностями отразилась йотация **а** в начале союза **ако** и местоимения **акъ** (но есть и **ако**, **акъ** во всех списках, кроме Остромирова евангелия, где только **ако** или **ѣко**), но полностью отсутствует **іазъ**, а только **азъ**.

Безйотовая форма личного местоимения была "на слуху" при богослужении, а также и при обучении грамоте, так как служила названием первой буквы славянского алфавита. Поэтому она легко могла избежать адаптации на восточнославянской почве. Эти обстоятельства объясняют з а к р е п л е н и е безйотовой формы **азъ** в л и т е р а т у р н о м языке на Руси. Однако вряд ли могут быть признаны единственно достаточными для объяснения безвариантного с о х р а н е н и я этой формы в компактной группе близких по времени создания с п и с к о в XI в. При переписывании значительных по объему текстов, написанных на близкородственном языке, писец и в этом случае не мог полностью избежать ассоциаций с собственным языком. Поэтому полагаем, что нельзя исключить того, что последовательное сохранение **азъ** в указанной группе списков вызвано не только внешними обстоятельствами, но и тем, что эта форма воспринималась переписчиком как абсолютно чуждая его живому языку.

Появление йотованных форм И.п. местоимения 1-го л. ед. числа в восточнославянской письменности относится к XI/XII вв. Единичные случаи **а** и **іазъ** отмечены в таких киевских по происхождению списках, как Поучение Кирилла Иерусалимского XI/XII вв. – **нѣ а рекоу** [Дурново 1924: 160], Мстиславово евангелие XI/XII вв. – Л XI, 2 – **аще ли же о пьрстѣ вожи изгоню бѣсы** [МстЕв, 83а, 123].

* * *

История дублетных форм в языке – это, как известно, история их распределения, закрепления или утраты на определенной территории или в определенном функциональном типе языка.

Наиболее проста судьба **азъ**.

С появлением йотованных форм **іазъ** и **а** изначальная, безйотовая форма **азъ** постепенно была вытеснена из народно-разговорного типа языка и укрепилась в книжно-письменном, прежде всего в церковно-книжном типе. В этом отношении показательны два написанных в разное время евангелия-апракос – Архангельское евангелие 1092 г. и Московское евангелие 1358 г.

В конце XIII в. два писца Архангельского евангелия проявили определенную свободу и, переписывая текст, использовали йотованную форму **іазъ**: она отмечена 14 раз у первого писца (лл. 1–76 об) и 1 раз – у второго (л. 178). Писец же XIV в., переписывая такой же литургический текст, отказался, и очевидно сознательно, от формы

некнижного языка и использовал во всех, по нашим подсчетам, 215 случаях **азъ**, единственно возможную в старославянской письменности форму.

В других типах древнерусской письменности **азъ** продолжала конкурировать с йотованными формами, одерживая победы в текстах молитв и цитатах из Священного Писания или их парафразах.

В связи с закреплением в литературных языках восточных славян формы **я** (**ѧ**) определенный интерес представляет распределение по памятникам письменности йотованных форм **ѧ** и **ѧзъ** (см. таблицу).

Таблица

Тексты	Форма ѧ		Форма ѧзъ	
	Свободн. употр.	"се ѧ ..."	Свободн. употр.	"се ѧзъ "
Литературно-повествовательные				
ПВЛ (ред. 1116 г.)	3	—	4	—
ПВМ 1117–1125 гг.	5	—	3	—
Судз. лет. 1118–1305 гг.	1	—	8	—
Киев. лет. (1118–1199 гг.)	59	—	52	—
Гал.-Вол. лет. (1201–1292 гг.)	15	—	9	2
НПЛ (1016–1352 гг.)	3	—	10	—
Бытовая переписка				
ГрБ XI–XIII	23	—	8	—
ГрБ XIV–XV	10(11)	—	16(30)	—
Офф. грамоты и договоры				
Смол. XIII–XIV вв.	—	—	3	3
Полоцкие XIV в.	—	1	—	3
Акты и грамоты С.-Вост. Руси XIII–XIV вв.	—	2	11	20
Гр. южные и юго-зап. XIV в.	4	6	5	5

В памятниках раннеписьменного периода **ѧ** встречается чаще, чем **ѧзъ**. В берестяных грамотах XI–XIII вв. **ѧ** употреблена в 23 примерах, а **ѧзо** (**ѧзъ**) — только в 8 (см. [Зализняк 1995: 413]). Тексты бытовой переписки с южных территорий почти не сохранились.

Из двух дошедших до нас берестяных грамот, найденных в Звенигороде (Галичском), только одна, ГрБ Звениг. № 2, 10–30 XII в. содержит форму И.п. местоимения 1-го лица: **а дае лоуѣѣ оли нь водаси то ѧ Ѹ конѧѧ поема отроко прижь приѣдо** [Зализняк 1995: 291].

В написанном между 1117 и 1125 гг. Поучении Владимира Мономаха [ПСРЛ, I: 240–256] соотношение **ѧ** и **ѧзъ** 5 : 3 (при 3 примерах с **азъ**).

Из этого, по-видимому, можно заключить, что в народно-разговорном типе языка раннеписьменного периода предпочтительной была форма **па**.

В рукописях позднего древнерусского периода в распределении йотованных форм прослеживается известная связь с территориальной принадлежностью текста: преобладание **пазъ** в текстах северо-западных и северо-восточных земель, а в южных и юго-западных большее (или почти равное) количество **па**.

Так, в текстах северо-западного и северо-восточного региона, в официальных грамотах и договорах Смоленска (XIII–XIV вв.), Полоцка (XIV в.), в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей (XIV в.), в актах Северо-Восточной Руси (XIII–XIV вв.) **пазъ** в свободном употреблении (не в традиционном начале) использована в 14 случаях, а **па** – только в 1. Примечательно, что **пазъ** в этих грамотах вытеснила из начальной формулы **азъ**: пишут не "**се азъ**", а "**се пазъ**". То же преобладание **пазъ** характерно и для летописей: в Новгородской I летописи по Синодальному списку [НЛ XIII–XIV вв.] **пазъ** отмечена в общей сложности 10 раз, а **па** – 3, из них в части, написанной в XIII в. (лл. 1–109) содержатся 4 формы **пазъ** и 2 **па**, а в написанной в XIV в. части – 6 **пазъ** и 1 **па** [см. НЛ XIII–XIV]. В так называемой Суздальской летописи (изложение событий с 1118 по 1305 гг.) [ПСРЛ, I: 96–261, 29–540] **пазъ** употреблена в 8 случаях, а **па** – в 1. Два других списка летописи: Радзивилловский (конца XV в.) и Академический (XV в.) отличаются от Лаврентьевского отсутствием **пазъ** лишь в одном случае: **атъ почну днь скон** вм. **атъ пазъ почну днь скон** (см. [ПСРЛ, I: 113, 338]). Поэтому есть все основания полагать, что приведенные подсчеты характеризуют употребление **пазъ** и **па** не только в списках летописи, но и в ее протографе, во Владимирском полихроне 1305 г. И в берестяных грамотах XIV–XV вв. более употребительна **пазъ**. По подсчетам А.А. Зализняка, соотношение в них **пазъ** и **па** 16: 10 или "с особыми случаями" – 30 : 11 [Зализняк 1995: 114]. "С чем связан этот несколько неожиданный статистический эффект, пока не совсем ясно" [Там же].

Между тем обращает на себя внимание то, что увеличение количества **пазо** (**пазъ**) в берестяных грамотах сопровождается убыванием в них диалектных собственно новгородских форм (*подаде, вхе* и т.п.) и заменой их общерусскими (*подалъ, весь* и т.п.). Поэтому за количественным увеличением **пазо** (**пазъ**) в грамотах XIV–XV вв. (не только новгородских) можно видеть не языковые, а историко-культурные тенденции – следование в известной мере нормам книжно-литературной письменности, складывавшейся не без влияния церковно-книжных образцов. Выбор **пазъ** в таких случаях мог быть мотивирован тем, что **пазъ** в отличие от усеченной формы **па** структурно была ближе к господствующей в церковно-книжном типе языка форме **азъ**. Показательно в этом отношении использование **пазъ** в записях и приписках XIII–XIV вв. на полях книг. В начале записи, где книжно образованный писец представляет себя будущему читателю как исполнителя работы или пожертвователя, он пользуется традиционной формулой "**се азъ**...". Например: **се азъ равъ бжии многогрѣшныи поликарпъ попъ докончахъ сна книги...** (Ев 1307 г. 123 об), **азъ равъ бжии ѿковъ ѣнъ домашинъ...** (Ев 1317 г., 128). Но стоит писцу перейти к изложению бытовых событий, как он отказывается от **азъ** и пишет **пазъ**, схожую начальным *j* с другой формой не книжного языка. Например: **пазъ былъ на низюу** (УстСтуд XII/XIII в., 189), **то ти азъ молявлю хотѣ грѣшенъ есмь члвкъ. не токмо послѣшатель бѣди тѣхъ словесъ. но и творецъ** (ЖСавОсв XIII в., 1) **а ты г(с)не григорин возми .ѣ. сороко(в)...** **а пазъ вамъ вню челоу** (ЕвЧт XIV в., 155 об).

Примечательно использование в сп. XIV/XV вв. послания "К архиепископу римскому от Иоанна митрополита русского об опресноках" (Иоанн умер в 1089 г.) формы **пазъ**: **цѣлаю тѣ** и **пазъ иванъ хұдын митрополитъ рұскии** [СБТ XIV/XV в., 148 об].

В памятниках южного и юго-западного происхождения соотношение йотованных форм И.п. местоимения 1-го л. ед. числа иное. В южно-русских (украинских) грамотах XIV в. **ѡ** оказалась господствующей формой, вытеснившей в договорах и завещаниях из формулы зачина не только **азъ**, но и существенно потеснившей обычную для официальных актов Северо-Восточной Руси форму **ѡзъ**. Например: **а се ѡ панъ михѡло ивановичъ заставилъ свое село** (Гр 1385), **а ѡ фебрунъ воквода перемышльскни познавалъ то нашимъ лист(ом)ъ** (Гр 1391 г.). Тексты официальных посланий правителей дошли до настоящего времени лишь в составе двух летописей: Киевской летописи конца XII в. (см. [ПСРЛ, II, 285–715]) и Галицко-Волынской летописи конца XIII в., язык которой содержит элементы грамматического строя формирующегося украинского языка [ПСРЛ, II, 285–715; 715–938]. Древнейший список обеих летописей – Ипатьевская летопись ок. 1425 г. По этому списку в Киевской летописи **ѡ** отмечена 59 раз, а **ѡзъ** 52, в Галицко-Волынской же – соответственно 15 и 9 раз. Однако определить, характеризуют ли приведенные подсчеты соотношение йотованных форм в конце XII в. и в конце XIII в. или они должны быть отнесены ко времени написания списка (1425 г.), затруднительно. Не облегчают этой задачи и данные Хлебниковского списка XVI в., так как употребление в нем **азъ** в 52 случаях в Киевской летописи и в 7 случаях в Галицко-Волынской вместо **ѡзъ** Ипатьевского списка, полагаем, отражает нормализаторскую работу переписчика XVI в.

Рассмотрение употребления **азъ**, **ѡзъ** и **ѡ** в памятниках восточно-славянской письменности, полагаем, можно завершить следующими выводами:

1. В языке восточных славян, видимо, был период, когда существовала форма И.п. местоимения 1-го лица единственного числа **азъ**.
2. Ранние случаи употребления **ѡзъ** и **ѡ** в памятниках относятся к XI/XII вв.
3. Форма **ѡ** не была клитикой, а, как **ѡзъ** и **азъ**, полноударной.
4. В народном языке из йотованных форм более употребительной была **ѡ**.
5. В поздний древнерусский период преобладание **ѡзъ** в текстах, относящихся к северо-западным и северо-восточным территориям, отражает складывавшиеся в этом регионе нормы книжно-литературного языка, испытывавшего известное влияние со стороны языка конфессиональной письменности. Предпочтение, отданное здесь **ѡзъ**, могло быть вызвано структурной близостью к закрепившейся в церковно-книжном типе языка форме **азъ**.

СОКРАЩЕНИЯ

БАН – Библиотека Российской академии наук (в С.-Петербурге)
 ГрБ – Грамоты на бересте
 ГИМ – Государственный Исторический музей
 И – Евангелие от Иоанна
 И.п. – Именительный падеж
 Л – Евангелие от Луки
 М – Евангелие от Марка
 Мтф – Евангелие от Матфея
 Патр – Патриаршее собрание
 ПВЛ – Повесть временных лет
 ПВМ – Поучение Владимира Мономаха
 РГБ – Российская Государственная библиотека (в Москве)
 РНБ – Российская Национальная библиотека (в С.-Петербурге)
 Син – Синодальное собрание.

- БДА – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София, 1964–1981.
- БЕР – Български етимологичен речник / Съставили В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Св. I. София, 1962.
- Выголексинский сборник / Изд. подготовили В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Голыщенко / Под ред. С.В. Коткова. М., 1977.
- ГА XIV – Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе т. I Текст / Изд. В.М. Истрин. Пг. 1920.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Гл. ред. А. Жураўскі. Мінск, 1982. Вып. 1.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1981 – Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Дурново Н.Н. 1924 – Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.
- Ев 1307 – Евангелие 1307 г., рукопись ГИМ Син 740.
- Ев 1317 – Евангелие 1317 г., рукопись БАН 34.5.22.
- Ев Чт – Евангельские чтения, рукопись XIV в., РНБ Соф. 8.
- ЖСавОсв – Житие Саввы Освященного, рукопись XIII в. РНБ ОЛДП. Q. 106.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Изборник 1073 – Симеонов сборник (по Свентославовия препис от 1073 г.). Т. II. Речник-индекс. София, 1993.
- Изборник 1076 / Изд. подготовили В.С. Голыщенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов / Под ред. С.И. Коткова. М., 1965.
- Московское евангелие 1358 – рукопись 1358 г. ГИМ. Патр. 68. 4° лл. 221.
- МстЕв – Мстиславово евангелие XI / XII в. Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
- НЛ XI–XIV – Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с пред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950; Новгородская харатеиная летопись (фототипическое издание) / Изд. под наблюдением М.Н. Тихомирова. М., 1964.
- ОстрЕв – Остромирово евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Востоков. СПб., 1845.
- ПСРЛ. I – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2-ое. Л., 1926; Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-ое. Л., 1927; М., 1962 (воспроизведение изд. 1926–1927 гг.).
- ПСРЛ. II – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2-ое (воспроизведение текста СПб., 1908).
- АрхЕв 1092 – Архангельское евангелие 1092 / Изд. подг. Л.П. Жуковская, Т.Л. Миронова. М., 1997.
- СБГ – Сборник XIV/XV в., рукопись РНБ. Q. п. 7.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах / Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. I. М., 1988.
- ССМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Ред. Л.Л. Гумецька, І.М. Керницький. Київ, 1977. Т. I.
- СлСтЯЗ – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Сумникова Т.А. 1995 – Местонахождение // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Трубецкой Н.С. 1987 – К вопросу о стиле русской былины // Избранные труды по филологии. М., 1987.
- УспСб XII/XIII – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Япон. М., 1971.
- УстСтуд XII – Устав Студийский, рукопись XII в. ГИМ Син 330.
- Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Хабургаев Г.А. 1990 – Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1. Л., 1974.
- ЭСУМ – Этимологічний словник української мови. Т. I. Київ, 1982.
- Ass – рукопись глаголическая XI в. // *Evangelium Assemani. Codex Vaticanus 3 Slavicus glagoliticus*. Т. I / Ed. by J. Vais, J. Kurz. Pragae, 1955.
- Brückner A. 1957 – *Słownik etymologiczny języka polskiego* / Warszawa, 1957.
- Jakobson R. 1959 – While reading Vasmer's dictionary // *International journal of Slavic linguistics and poetics* I/II, 1959.
- Maček V. 1957 – *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.
- Mańczak V. 1977 – *Słowańska fonetyka historyczna* // *Zeszyty naukowe uniwersytetu Zdróniego*. Z. 55. 1977.
- Shevelov G.U. 1965 – *A prehistory of Slavic*. Heidelberg, 1964.